

Святой благоверный князь Александр и папская курия

Dana Picková

В недавнее время 750. годовщина битв на реке Неве и Чудском озере вызвала в общественных и научных кругах исключительный интерес к личности победителя, русского князя Александра Невского. Согласно мнению многих историков, прежде всего советских, был его конфликт со шведами и немецкими рыцарями итогом действий западных соседей Руси, согласованных с папской курией. Целью этих действий было воспользоваться ослаблением русских княжеств монгольскими нашествиями, чтобы, впоследствии, их завоевать и насильно обратить в католичество.¹ Эта тема была уже довольно подробно представлена в историографии, поэтому оставим ее в стороне. Внимание будет сосредоточено на более поздней попытке папской курии наладить контакты с князем Александром Ярославичем, которая предстает единичным эпизодом

1 Этой теории придерживался, например, Борис Яковлевич РАММ, который рассматривал любую деятельность со стороны папской курии в восточной Прибалтике направленную против язычников в качестве выступления против Руси. *Папство и Русь в X–XV веках*, Москва 1959, с. 85–179; далее И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ, *Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.*, Ленинград 1978, с. 152, 194–196; *Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси*, in: *Исторические записки*, Вып. 37, 1951, с. 169–188; *Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40–50-х годов XIII в.*, in: *Исторические записки*, Вып. 43, 1953, с. 182–200 или В. Т. ПАШУТО, *Внешняя политика Древней Руси*, Москва 1968, с. 226–241, 294–297. в последнее время, например, А. В. ШИШОВ, *Полководческое искусство князя Александра Ярославича в Невской битве*, in: Ю. К. БЕГУНОВ — А. Н. КИРПИЧНИКОВ (сост.), *Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы*, Санкт-Петербург 1995, с. 31–32, 36 или О. Ф. КУДРЯВЦЕВ, *Александр Невский и папство*, in: О. Ф. КУДРЯВЦЕВ — В. И. УКОЛОВА (сост.), *Александр Невский. Государь, дипломат, воин*, Москва 2010, с. 163, 167. с этими взглядами полемизировал J. I. FENNELL, *The Crisis of Medieval Russia 1200–1304*, London — New York 1983, s. 120–121; Э. ХЕШ, *Восточная политика немецкого ордена в XIII веке*, in: Ю. К. БЕГУНОВ — А. Н. КИРПИЧНИКОВ (сост.), *Князь Александр Невский и его эпоха*, с. 65–74; Д. Г. ЛИНД, *Некоторые соображения о Невской битве и ее значении*, in: Ю. К. БЕГУНОВ — А. Н. КИРПИЧНИКОВ (сост.), *Князь Александр Невский и его эпоха*, с. 44–54; Б. Н. ФЛОРЯ, *У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.)*, Санкт-Петербург 2004, с. 145–151.

на фоне драматических событий, которые проживали русские земли в тридцатых и пятидесятых годах XIII века, но с другой стороны, дополняет образ папских инициатив в Восточной Европе и предлагает интересное сравнение развития отношений между папской курией и отдельными восточноевропейскими князьями, а также откликам, которые подобные инициативы сопровождали на отдельных княжеских дворах.

Источников в нашем распоряжении, по данной теме, не так уж много. Русского происхождения только один источник — это *Житие Александра Невского*.² Это повествование возникло вскоре после его смерти в 1263 году, в период когда были еще живы свидетели событий. Автор мог включить в текст данные из их воспоминаний, однако *Житие* было написано с ясной целью, служить к почитанию Александра как местного святого. Князь был стилизован в качестве святого и непобедимого военачальника, который в битве на реке Неве дал отпор католическим агрессорам из Швеции, обозначенных термином „римляне“. *Житие* является единственным источником, который содержит сведения о встрече Александра с папскими легатами, которые были позднее переняты первой Софийской летописью³ и новейшей редакцией первой Новгородской летописи.⁴ к этой информации, которую нельзя проверить другими источниками, необходимо подходить критически. с другой стороны, существуют еще два письма, которые папа Иннокентий IV. написал в 1248 году Александру Невскому. Содержание второго письма несколько туманно и поэтому его сложно интерпретировать.⁵ Ответы со стороны Александра на папские письма не сохранились или же никогда не существовали.

В историографии больше уделялось внимания изучению контактов папской курии с Галицко-Волынским князем Даниилом Романовичем и упоминания об Александре часто встречаются именно в этой взаимосвязи. Этот тезис подтверждает, например, монография русского историка Бориса Николаевича Флорини, который детально разбирает конфронтацию русских княжеств с западным латинским миром и папской курией, в частности, тем не менее, Александра

-
- 2 *Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра*, Библиотека литературы Древней Руси, 5. XIII век, Д. С. ЛИХАЧЕВ — Л. А. ДМИТРИЕВ — А. А. АЛЕКСЕЕВ et al. (сост.), Санкт-Петербург 2005, с. 358–369.
 - 3 *Софийская первая летопись*, (Полное собрание русских летописей 5), А. Ф. БЫЧКОВ (сост.), Санктпетербург 1851, с. 187.
 - 4 А. Н. НАСОНОВ (сост.), *Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный список)*, *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва — Ленинград 1950, с. 305–306.
 - 5 *Innocentii P. IV. ad Alexandrum Ducem Suzdaliensem*, in: *Historica Russiae monimenta, ex antiquis exterarum Pentium archivis et bibliothecis demprompta ab A. J. Turgenio*, 1., Petropoli 1841, No LXXVIII., с. 68–69; перевод на русский язык: Г. Л. РОШКО, *Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому*, Символ, Париж 1988, No 20, с. 102–103; А. POTTHAST (Ed.), *Regesta pontificum Romanorum*, Vol. 2, Berolini 1875, No 13023, s. 1095; перевод на русский язык: Г. Л. РОШКО, *Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия*, с. 108–109.

Невского, как одного из участников этих событий, оставляет в стороне.⁶ в отличие от этой работы, которая сосредоточена не только на Восточной Европе, но также на славянских государствах на территории Балкан, более давняя монография немецкого исследователя Альберта Марии Амманна, посвящена исключительно восточной части Прибалтики⁷ также, как и весьма интересный труд эстонского историка Анти Селатра, который стремится провести переоценку или, по возможности, опровергнуть традиционные схемы изложения.⁸ Наравне с упомянутыми монографиями существует еще ряд работ, которые исследуют контакты Александра Невского с папством более детально.⁹

Папская курия начала проявлять больший интерес относительно русских земель в тридцатых годах XIII века при понтификате Григория IX., которого, в отличие от его предшественников, весьма интересовало заключение церковной унии. Стоит также отметить, что он проводил по отношению к православным территориям более категоричную политику и его меры обострили отношения между православной Русью и проживающими там католиками, отношения между которыми до этого времени проблематичными не являлись.¹⁰

На рубеже тридцатых и сороковых лет затронуло Восточную и, отчасти, Среднюю и Юго-Восточную Европу разрушительное монгольское нашествие, которое временно отодвинуло на другой план взаимоотношения между папством и русскими князьями. в 1245 году созвал папа Иннокентий IV. вселенский церковный собор в Лионе, на котором обсуждался, кроме всего прочего, вопрос о борьбе с неверными, а именно, не только с мусульманами в Восточном Средиземноморье, но также и с монголами. Мысль о предоставлении помощи против монгольских завоевателей была связана с несколько фантастичным представлением католической миссии в Восточной Европе и преодолением церковного раскола. в соборе принимал участие некий „*archiepiscopus ruthenus Petrus*“, которого большинство исследователей отождествляет с Петром Акеровичем из Волыни, занимавшего с позволения черниговского князя Михаила Всеволодовича пост киевского митрополита и тем же князем, впоследствии, посланного в Лион.¹¹ Его задачей было призвать папу и европейских правителей к организации против монголов крестового похода, к провозглашению которого, наконец, дей-

6 ФЛОРЯ, с. 120–173.

7 A. M. AMMANN, *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's*. Studien zum werden der russischen Orthodoxie, Roma 1936, с. 279–308.

8 Anti SELART, *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert*, Köln — Weimar — Wien 2007.

9 В. И. МАТУЗОВА — В. Т. ПАШУТО, *Послание папы Иннокетия IV князю Александру Невскому*, in: *Studia historica in honorem Hans Kruus*, Tallinn 1971, с. 136–138; Г. Л. РОШКО, *Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия*, с. 93–113; А. А. ГОРСКИЙ, *Два „неудобных факта“ из биографии Александра Невского*, Материалы научно-практической конференции, Новгород 1996, с. 64–66; А. А. ГОРСКИЙ, *Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский*, Москва 1993; О. Ф. КУДРЯВЦЕВ, *Александр Невский и папство*, in: О. Ф. КУДРЯВЦЕВ — В. И. УКОЛОВА (сост.), *Александр Невский. Государь, дипломат, воин*, Москва 2010, с. 159–172.

10 ФЛОРЯ, с. 140–143.

11 A. SELART, *Livland und die Rus'*, с. 208; Ю. В. КРИВОШЕЕВ — Р. А. СОКОЛОВ, *Александр Невский, эпоха и память, Исторические очерки*, С.-Петербург 2009, с. 125–126.

ствительно дошло, однако, это воззвание долго оставалось не реализованным. Седьмой крестовый поход организовал только в 1249 году король Людовик IX., но направлен он был не против монголов, а против мусульман в Египте.

В последующих годах своего понтификата Иннокентий IV. проявлял большой интерес к идее крестового похода против мятежного императора Фридриха II. Штауфена, нежели против монголов, однако, он не снимал этот вопрос полностью. в папской курии в это время начинали, очевидно, весьма опасаться дальнейших возможных походов монголов на запад, а потому в Риме зародился план о том, как воспрепятствовать проникновению врага во внутрь Европы. Планировалось, что на востоке будет выстроена буферная зона из русских княжеств, и местные князья не только присоединяться к антимонгольской коалиции, но также будут предоставлять важную информацию об общем враге. Именно по этому, Иннокентий IV. в последующих годах проявил значительную инициативу, чтобы установить контакт с влиятельнейшими русскими правителями. Кроме этой дипломатической деятельности он, вдобавок, обещал, что на русские земли распространит примат Рима и расширит католическую веру на востоке. Предоставление военной помощи, собственно, должно было реализовываться с условием принятия церковной унии.¹² Свое внимание он сосредоточил на галицко-волынском князе Данииле Романовиче, который сам искал на западе помощи в борьбе против монголов, его брате владимирско-волынском князе Васильке и новгородском князе Александре Ярославиче, с которым попытался установить контакт в начале 1248 года.

„Твой отец жаждал стать новым человеком и раболепно обещал быть покорным римской церкви,“ писал Иннокентий IV. Александру, на основе информации, которую получил от минорита Джованни дель Плано Карпини, который с Ярославом Всеволодовичем встречался при дворе хана в Каракоруме. „Потому твою Милость бдительно просим, обращаем ее внимание и призываем, чтобы узнала и приняла мать римскую церковь и стала покорной папе, и также с воодушевлением поощряла своих подданных в послушности папскому престолу, чтобы вкусили полод вечной блаженности.“ Далее он требовал, чтобы Александр сообщал о возможном монгольском нападении рыцарям из Ливонии, которые должны были, в свою очередь, своевременно предоставить сведения ему самому, пока еще была возможность дать отпор.¹³ Подобная просьба была в тоже время адресована и Даниилу Галичскому.¹⁴

Когда папское письмо было доставлено на Русь, Александр находился вместе со своим младшим братом Андреем при дворе хана Бату в Орде, где они просили ярлык на подтверждение своих владений. Оттуда были они отправлены

12 ФЛОПЯ, с. 153–154.

13 „Pater tuus novum hominem affectans induere [...] sui obedientie Romane ecclesie matris sue devote, ac humiliter se devovit. Hinc est quod Nobilitatem tuam rogamus, monemus, et hortamur attente, quatenus Romanam Ecclesiam matrem recognoscere, et ipsius Pontifici obedire, ac ad Apllice Sedis obedientiam subditos tuos efficaciter studeas invitare, ita quod ex hoc in eterna beatudine fructum consequi valeans, qui non perit.“ Innocentii P. IV. ad Alexandrum Ducem Suzdaliensem.

14 *Historica Russiae monumenta*, No LXXVII, с. 68.

до далекой Монголии ко двору великого хана. Назад Александр смог вернуться в конце 1249 года, уже как правитель всея Руси, что означало южных русских земель включая Киев, а Андрей с ярлыком на великое княжество владимирское. Между тем, Иннокентий IV. послал Александру следующую буллу, в которой — хотя было не известно, если князь на первое письмо отвечал — „хвалит Александра, новгородского князя за то, что возвратился к римской церкви и предупреждает его, чтобы достойно принял прусского архиепископа (Альберта), легата апостольского престола, который желает его лично посетить и позволит ему, согласно его замыслу построить в своем городе Пскове кафедральный собор латинской церкви.“¹⁵

В начале 1250 года Александр вернулся в Новгород. Если верить летописям, на севере Руси не было после великого монгольского нашествия в 1238 году, никаких крупных походов или разбойничьих наездов. После того, как монголы осели под предводительством внука Чингисхана хана Бату в степях нижнего Поволжья, им было нужно привести в порядок новые завоеванные территории и укрепить свою мощь. в первые годы своего пребывания там они не были способны выстроить административный и карательный аппарат, а также ввести действенный военно-экономический контроль подчиненных областей. в отличие от других земель, например, Китая или Персии, на русской территории они не осели и не установили там прямую власть. Русские княжества свою сохранили политическую и социальную структуру, неприкосновенной осталась также и православная вера населения. Монголам были эти земли изначально подчинены только политически формально. Если Рюриковичи хотели и далее править в своих княжествах, должен был хан, со своей стороны, их в этих должностях подтвердить так называемым ярлыком. На рубеже тридцатых и сороковых лет Северо-Восточная Русь пришла в себя после уничтожительного монгольского нашествия, и жизнь местного населения продолжалась, как и ранее. Новгород же остался вне этого апокалиптического разрушения и свое внимание более обращал в сторону запада, где его земли были в опасности, но не сколько нападением со стороны немецких рыцарей и шведов, сколько постоянными разбойничьими наездами язычников литовцев.

Из-за различных условий, в которых русские княжества находились, естественно, представления политической репрезентации русского Севера, прежде всего незатронутого монгольским нашествием Новгорода, и Юга, по отношению к агрессору отличались. Кочевники угрожали русским землям уже целых три столетия, что однако касалось почти исключительно южных областей. в эти области были предприняты хищнические набеги, они подвергались опустошению, но кочевники, эту часть Руси никогда не пытались полностью подчинить. в начале пятидесятих лет в русских землях еще никто не мог предположить, что их ждет долгий и тяжелый монгольский гнет, какой ранее эти земли ни-

15 „Alexandrum regem Nougardiae laudat propter redditum ad ecclesiam Romanam eumque monet, ut (Albertum), archiepiscopum prussiae apostolicae sedis legatum, quicum cupiat personaliter visitare, honeste recipiat, eique concedit facultatem faciendi de consilio ipsius archiepiscopi construi in Plescowe civitate sua Latinorum ecclesiam cathedralem.“ *Regesta pontificum Romanorum*, No 13023. Альберт Зуэрбер был рижским архиепископом с 1245 до 1273 года.

когда на себе не испытывали. Тогда верили в то, что монголы снова покинут эти области, как это было в 1223 году, или же могучая монгольская империя в скорости распадется на части, о чем свидетельствовали различные политические междоусобицы, о которых, по крайней мере, должны были знать князья, вынужденные встречаться в монгольскими ханами. в Новгороде определенно не боялись нападения кочевников, а скорее наступления литовцев или тевтонских рыцарей из Ливонии, которые в пятидесятых годах снова пытались подвергнуть христианизации языческое население, проживающее на границах с новгородскими землями.

Исходя из этого, очевидно, что отношения Александра к папской курии и ее предложениям был намного более сдержанным, нежели у Даниила Романовича. У нас нет никаких доказательств того, чтобы князь каким-то образом реагировал на папские послания или пытался завязать в них отношения иным путем. Только в конце 1252 года он встретился с папскими легатами, которые за ним приехали на Русь. Это случилось, вероятнее всего, во Владимире, так как Александр, тем временем, стал с разрешения сына хана Бату Сартака великим князем владимирским. Во времена, когда Александр был при его дворе в Сарае, русские земли после долгих лет снова подверглись разграблению монголами. Речь шла о двух карательных походах, которые были направлены против князей, находившихся в подозрении хана, надо заметить не без оснований, и замышлявших дать военный отпор Орде, объединив свои усилия с папой. Этими князьями были галицско-волынский князь Даниил Романович и брат самого Александра Андрей Ярославич, до этого будучи князем владимирским, он в 1250 году стал зятем Даниила и, скорее всего, также союзником против Орды. Между тем, как Даниилу удалось нападение отразить, Андрей был побежден. Последствия монгольского нашествия на владими́ро-суздальское княжество были значительно обширны и сравнимы с ущербом, нанесенным по экспансии 1238 года.¹⁶ Александр перевзял правление во Владимире, который монголы в этот раз пощадили, несомненно, для того, чтобы он мог стать резиденцией нового великого князя, задуманного ханом в Сарае. в тот момент, Александр мог прийти к выводу, что договор с ханом Орды, скорее всего, со своей лояльностью и покорностью, может спасти его земли от монгольского нападения. Ведь очевидно, что князь Даниил, так же, как и Андрей понесли, таким образом, наказание за то, что готовили сопротивление против монголов и искали союзников на западе, в особенности, при папской курии.

В таких обстоятельствах приехали во Владимир папские послы и кардиналы Агалдад и Гемонт,¹⁶ о которых упоминает *Житие*. Они предложили Александру, что введут его в католическую веру, на что князь стогого отказался: *„От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до*

16 Эти два имени пока еще историкам не удалось идентифицировать с конкретными историческими лицами. О. Ф. КУДРЯВЦЕВ, *Александр Невский и папство*, с. 170. Альберт Мария АММАН предполагает, что речь могла идти, например, о францисканских или доминиканских монахах, которые в это время находились в Литве. *Kirchenpolitische Wandlungen*, с. 289.

смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем.¹⁷ Так звучал резкий ответ, который Александр дал тогда двум представителям папской курии.

Был ли Александр Невский на самом деле таким бескомпромиссным поборником православия и непримиримым противником католиков и церковной унии, как это описывает автор *Жития* и некоторые историки XIX и XX веков? Его бескомпромиссная позиция к католической вере предлагает непосредственное сравнение с прагматической и целенаправленной политикой Даниила Романовича.¹⁸ Но не является ли контраст их позиций и действий в некоторых аспектах мнимым?

Контакты Даниила с папской курией длились относительно долгий период, от половины сороковых до половины пятидесятых лет. Их ход и цели, которые обе стороны преследовали, можно довольно подробно реконструировать на основе папских булл и корреспонденции, несмотря на то, что мы не располагаем ответами Даниила. о его контактах с папской курией кратко упоминает в своей монгольской истории Карпини¹⁹ и галичско-волынский летописец.²⁰

Западнорусские княжества Галич и Волынь находились в иной ситуации, нежели остальные русские земли. Учитывая свое местоположение они удерживали оживленные контакты с западными соседями Польшей и Венгрией, а также были намного ближе католическому Западу, с которым их не разделяли принципиальные противоречия. в 1241 году были эти земли затронуты монгольской экспансией. Их правитель Даниил Романович в 1246 году явился по требованию хана Бату к его двору и подвергся необходимым процедурам, чтобы получить желанный ярлык на правление. Однако, находиться в подчинении монголов постоянно для него было невыносимо, поэтому он начал искать союзников. Осознавая, однако, что распавшиеся и вражески настроенные русские княжества не способны дать отпор монголам, он решил обратить свой взор в сторону католического Запада.

Во время проведения Лионского собора начал Даниил переговоры с папой Иннокентием IV. с надеждой, что тот внесет свой вклад в провозглашение крестового похода против монголов и облегчит долю русских княжеств. Папа его

17 *Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра*, с. 366–369.

18 W. LEITSCH, *Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandrs Nevskijs*, in: *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*, Vol. 25, 1978, s. 206; А. А. ГОРСКИЙ, *Между Римом и Каракорумом*; Г. А. АРТАМОНОВ, *Митрополит Киевский Кирилл*, in: А. Ф. КИСЕЛЕВ (сост.), *Великие духовные пастыри России*, Москва 1999, с. 126; Ю. БЕГУНОВ, *Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя*, Москва 2003, с. 162–165.

19 Дживованни дель П. Карпини, *История монголов*, in: А. И. МАЛЕИН (сост.), *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*, Москва 1957, с. 67.

20 *Галицко-Волинская летопись*, Библиотека литературы Древней Руси, 5. XIII век, с. 270–273.

принял с братом Васильком под охрану св. Петра, и начал подготовку к тому, чтобы князей, дворян и духовенство их земель привел к католической вере и унии, согласно их договору с Даниилом. Одновременно с этим, он пообещал организовать крестовый поход против монголов,²¹ который так никогда и не был реализован. Наряду с этим, он также поддержал Даниилово стремление завладеть Галичем.²²

В начале пятидесятых лет дипломатическая корреспонденция между Даниилом и Иннокентием IV. прекратилась. Князь от папы не получил желаемого и, возможно, на некоторое время был убежден, что монгольская опасность уже не так актуальна, как ранее.²³ в 1252 году был Галич снова атакован монгольскими войсками и Даниил свою связь с Римом обновил. Ситуация, тем не менее, не изменилась, так как организовать поход против монголов неизменно превышало возможности курии. Иннокентий IV., однако, не отказывался от надежды, что ему удастся привести верующих из Галича и Волыни к церковной унии. к большому желанию сотрудничать Даниила должно было принудить предложение королевской короны. Дальновидный князь от нее в начале отказался, так как не получил необходимую военную помощь,²⁴ но впоследствии, уступил и в 1253 или 1254 году папский легат его короновал галицским королем. Обещанная помощь, все же, не пришла и позднее.

Многолетние контакты, которые поддерживал с курией Даниил Романович были в русской среде исключением. Остальные князья не искали связи с папой. Стремление Иннокентия IV. навязать контакты были отклонены в то время одним из самых знаменательных русских правителей, новгородским и великим владимирским князем Александром. Цели, которые преследовал папа, явствовало из его первого письма, адресованного Александру. Речь шла о расширении католической веры на Руси и, в особенности, о участии князя в качестве члена возможной коалиции против монголов. Все это гармонировало с планами, которых в то время вынашивала курия в отношении Восточной Европы.

Более точного представления, в какой именно ситуации отдаленные русские княжества находились или конкретно те области, в который правил Александр, Иннокентий IV., очевидно, не имел. Подтверждает это, например, призыв князя информировать о возможном монгольском нашествии тевтонских рыцарей из Ливонии. Допустил ли бы он, собственно, чтобы рыцари перешли русские границы и пришли ему на помощь?²⁵ в первом письме папа обращается

21 *Historica Russiae monimenta*, No LXII, с. 57, No LXIV, с. 58, No LXXII, с. 64, No LXXV, с. 66–67.

22 *Historica Russicae monimenta*, No LXVII, с. 62; No LXIX, с. 62.

23 Борис Николаевич ФЛОРЯ полагает, что с началом пятидесятых лет угрожал Даниилу конфликт с Ордой. *У истоков религиозного раскола*, с. 167. Пишет о нем также галицско-волынский летописец и датирует 1250 годом. Согласно тому, что этот конфликт рассматривает, как импульс к поездке Даниила в Орду, которая на самом деле была им предпринята в 1246 году, эта датировка не правильна. *Галицко-Волынская летопись*, с. 254–255.

24 *Галицко-Волынская летопись*, с. 270–273.

25 AMMANN, с. 282.

к Александру, как к князю суздальскому („*ducem suzdaliensem*“), так как был титулован великий князь владимирский, что было, несомненно, следствием той информации, которую он получил о положении его отца Ярослава Всеволодовича от Карпини. Второе письмо было адресовано королю новгородскому („*regem Nougardiae*“), тем не менее, его содержание опять-таки не свидетельствует о глубоко знании русской действительности. Исследователи ведут дискуссии о том, если ответ Александра на первое письмо действительно существовал, и если он был написан в таком духе, что его Иннокентий IV. воспринял в качестве согласия с принятием католической веры. Русский историк Антон Анатольевич Горский считает, что первое письмо Иннокентия было доставлено еще в период, когда он находился в Орде, точнее в резиденции Бату в нижнем Поволжье и, что князь ответил торопливо в нейтрально-дружественном тоне. Возможно, даже пообещал выстроить в Пскове католический храм для гостей из Западной Европы, в чем собственно, не было ничего необычного, так как в Новгороде в то время католические храмы уже давно существовали. Этот ответ согласно Горскому попал в папскую курию через „прусского“ архиепископа, и Иннокентий IV. это воспринял в качестве согласия с принятием католической веры. Эту гипотезу, однако, нельзя ничем подкрепить.²⁶ Эстонский историк Анти Селарт сомневается в наличии связи между двумя папскими письмами и утверждает, что архиепископ Альберт Зуэрбер в то время в Ливонии еще не задерживался.²⁷ Папа стал, очевидно, жертвой дезинформации, усиленной, к тому же, собственным желанием.

Сомнительно также утверждение, что отец Александра хотел стать католиком. Карпини, который об этом должен был проинформировать папу, несмотря на то, что в своей монгольской истории несколько раз упоминает о встрече с „великим князем русским“, о его желании принять католическое вероисповедание не сообщал.²⁸ Князь Ярослав, скорее всего, в большой орде в Монголии находился в отчаянной ситуации, пишет Селарт. Неисключено, что в экстремальных условиях он дал миноритам обещание подчиниться Риму или, самое большое, выразил согласие сотрудничать с курией.²⁹ Возможно, что эта информация была искажена³⁰ или полностью вымышлена, и имела цель принудить Александра к большему расположению в отношении заключения церковной унии, также как обещание расположения папы и почетного положения среди правителей католиков.

26 А. А. ГОРСКИЙ, *Русь: От славянского Расселения до Московского царства*, (Studia historica), Москва 2004, с. 216; см. там же, А. А. ГОРСКИЙ, Два „неудобных факта“ из биографии Александра Невского, с. 64–66. Согласно О. Ф. КУДРЯВЦЕВУ было совершенно невозможно по времени, чтобы Александр на папское письмо ответил и ответ до сентября 1248 года попал в руки адресата. *Александр Невский и папство*, с. 167.

27 SELART, с. 220.

28 Дживованни дель Плано Карпини, *История монголов*, с. 77, 81.

29 SELART, с. 218–219.

30 Г. Л. РОШКО полагает, что к искажению дошло в результате общения князя Ярослава Всеволодовича и Карпини через переводчика. *Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия*, с. 104–105.

Кроме этих двух писем мы располагаем только *Житием*, описывающим личную встречу Александра с папскими легатами и акцентирующим внимание, прежде всего, на строгом отказе, который там зазвучал. Кроме того, там воодушевленно отмечается и возвеличивается его победа над „римлянами“ в битве на реке Неве.³¹ Первоначальный текст этого частично агиографического, частично военно-биографического литературного памятника был написан в диапазоне от 1263 до 1280 годов с поддержкой митрополита киевского и всея Руси Кирилла, с которым Александр близко сотрудничал. Кирилл в начале пятидесятых лет разошелся с галицско-волынским князем Даниилом Романовичем, с политической ориентацией на папскую курию которого не мог согласиться и переселился во Владимир. Круг церковных представителей, которые вокруг митрополита концентрировались, позднее героизировал князя Александра в пользу его отказа от союза с папой. Согласно мнению историка литературы Итки Комендовой, это было „исключительным проявлением официальной пропаганды из окружения двора Александра.“³² Кроме того, в 1274 году на втором Лионском соборе, что означает во времена, когда *Житие* только возникало, была договорена уния между католической и ортодоксальной церковью, благодаря стараниям византийского императора Михаила VIII., и константинопольский патриарх признал папский примат и присягнул на верность папе. в этой ситуации православная церковь нуждалась в правителе, которому бы могла поклоняться в качестве поборника истинной веры и заступника православных верующих от притязаний католиков. Кнзья Александр стал, казалось, для этого подходящей фигурой.

Учитывая, что описание встречи Александра с папскими послами в *Житии* мы не можем сопоставить с другими источниками, необходимо эту информацию воспринимать в качестве преувеличенной, прежде всего касаясь пассажей посвященных победе над „римлянами“. Также маловероятно, что Александр произнес перед послами подобную самонадеянную речь, исходящую из знания Ветхого и Нового Завета и церковной истории,³³ но строго отверг предложение принять католическую веру и заключить унию, представленную католическими духовными лицами лично или только выраженную в остальных письмах Иннокентия IV., которыми мы не располагаем. Свидетельствует об этом неожиданная смена политики проводимой папской курией в отношении православной Руси, которая настаивала на своей вере. Негативный ответ Александра не был тем, на что рассчитывал Иннокентий IV. и, таким образом, сразу сорвал надежды папской курии на расширение своего влияния в Северо-Восточной Руси мирным путем, и в то время, когда после определенного перерыва она снова попыталась завязать контакты с Даниилом Романовичем. Разрушилось также представление о создании восточного охранного барьера против монголов.

31 Римлянами называются в *Житии* сторонники католической веры, в данном случае шведы.

32 J. KOMENDOVÁ, *Vladařská propaganda a antipropaganda na Rusi a v Čechách ve 13. století*, in: *Sborník prací historických XVII.* (Acta Universitatis Palackianae Olomucensis Facultas Philosophica Historica 29 — 2000), Olomouc 2000, с. 41.

33 AMMANN, с. 292.

После попытки сближения в отношениях папской курии и православной Руси, в конце понтификата Иннокентия IV., снова стали проявляться интолерантность и конфронтационный тон, как в тридцатых годах. в папских буллах русские стали представляться как схизматики, возможные союзники татар, против которых необходимо воевать, так как они нападают на христианские земли. в 1255 году выразил преемник Иннокентия, папа Александр IV. согласие с завоевательской политикой литовского князя Миндовга на Руси.³⁴ Это первая булла в которой папа присваивает себе право распоряжаться землями схизматиков и раздавать их католикам,³⁵ что означало поступать с ними так, как до этого поступал с землями язычников. Воззвание к крестовому походу против „татар и иных язычников, жажущих христианской крови не менее, чем татары“, которое прозвучало от Иннокентия IV. еще в мае 1253 года осталось без реакции.³⁶ Под тяжестью обстоятельств в 1256 году Даниил снова прекратил свои контакты с Римом³⁷ и в 1258 или 1259 годах окончательно подчинился Орде.³⁸ Его временное присоединение к папской курии, таким образом, не имело на внутреннее развитие его земель никаких значительных последствий. На другой стороне коронация галицким королем (*rex Galiciae*) имела под собой определенное сравнение с венгерскими королями, которые в XIII веке претендовали на подобный титул. Даниилу, по крайней мере, удалось временно нейтрализовать венгерские и польские претензии на галицкие земли.

Галицко-волинский князь был, несомненно, в вопросах веры толерантнее, нежели остальные князья рюриковичи. Возможность заключить церковную унию не отвергал, но размышлял о ней целесообразно, как о необходимой дани за политическую и военную помощь от латинского запада против монголов. Как же обстояло дело с современником Даниила Александром Невским? Существует ли веская причина, чтобы видеть в одном из них „прозападно мыслящего“ сторонника церковной унии и в другом ее ригористичного противника, „в отношении к западу враждебного“ и поборника истинной веры,³⁹ решения которого были продиктованы прежде всего чувством веры и, ни в коем случае, политическими представлениями? Полагаем, что ответ отрицательный. Также нельзя утверждать, что Александр решил принести в жертву политическую свободу русской земли татаро-монгольскому игу, чтобы сохранить „душу“ Руси, православную веру.⁴⁰

34 *Historica Russiae monimenta*, No XCIII, с. 83.

35 Языческий князь Миндовг принял в 1251 году, стараниями папской курии, крещение и два года позднее королевскую корону.

36 „*Contra ipsos tartaros, ac etiam alios Paganos, christianorum sanguinem non minus eisdem tartaris sitienses.*“ *Historica Russiae monimenta*, No LXXXVIII, с. 78–79; далее No XC, с. 80–81.

37 В 1257 году папа Александр IV. адресовал князю Даниилу буллу, в которой карал его за отступничество и напрасно пытался его вернуть к католической вере и унии. *Historica Russiae monimenta*, No XCV, с. 84–85.

38 SELART, с. 221, 225.

39 *Ibidem*, с. 216.

40 AMMANN, с. 291.

Зададим себе вопрос, что мог князь получить, заключив союз с папской курией и какие имел отношения с католиками, в целом. Роль защитника северо-западной Руси от завоевателей иноверцев у него совпала с функцией новгородского князя. Границы приходилось защищать не только от католиков, крестоносцев и шведских войнов, но также перед язычниками литовцами, которые представляли для Руси гораздо большую опасность и, к тому же, перманентную, в сравнении с католиками. Агиографы Александра и многие историки нового времени часто не учитывают реальные условия, в которых он правил, и видят в нем бескомпромиссно иррационального противника католического Запада. Последнее он вряд ли себе позволить.⁴¹ Источники свидетельствуют о том, что от переговоров с католиками и даже от заключения договоров, он не уклонялся.

Источником экономического процветания Новгорода была торговля с Западной Европой, прежде всего с немецкими ганзейскими купцами и с „готами“, торговцами из Швеции. Было необходимо с ними вести торговые переговоры, обсуждать условия совместного существования и заключать договора.⁴² Во время, когда Александр отказался от союза с папской курией, то вел переговоры с норвежским королем Хоконем IV. относительно брачного союза из детей. Этим шагом он хотел, во-первых, нейтрализовать традиционно враждебную позицию шведов против Новгорода, во-вторых, решить спор с норвежцами относительно сбора дани в Карелии.⁴³ Кроме того, мог Александр во время встречи с папскими легатами уже знать, что папская курия не предоставила князю Даниилу, земли которого подверглись второй раз нападению со стороны монголов, никакой помощи, хотя долгие годы обещала ее предоставить.

Александр был в отношении к католическому Западу несомненно рационально мыслящим политиком и не отвергал союза с католиками только из-за различных религиозных убеждений. с другой стороны, он был поборником православия, сотрудничал с русской православной церковью, прежде всего с митрополитом Кириллом, и поддерживал ее. Возможность заключить церковную унию была для него намного менее приемлимым решением, нежели для князя Даниила Романовича. Это могло иметь наряду с конфессиональными, также серьезные политические причины. Союз с папской курией, дающей обещания, которые редко бывали исполнены, для князя Александра уже сделавшего выбор в сторону политики несопротивления по отношению к Орде, был беспроспективным, а потому был им отвергнут а уже не так важно, какими аргументами это было обосновано в литературных памятниках

41 LEITSCH, с. 208.

42 С. Б. ВАЛК (сост.), *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва — Ленинград 1949, No 29, с. 56–57.

43 А. В. ТОРКУНОВ, *Внешняя политика Александра Невского: цели, принципы, направления*, in: О. Ф. КУДРЯВЦЕВ — В. И. УКОЛОВА (сост.), *Александр Невский. Государь, дипломат, воин*, Москва 2010, с. 136.

SAINT RIGHT-BELIEVING PRINCE ALEXANDER AND THE PAPAL CURIA ABSTRACT

This article focuses on attempts of the Papal Curia to establish contacts with the Prince of Novgorod and subsequently the Grand Prince of Vladimir Alexander Nevsky, as Eastern Europe suffered devastating invasion of Mongols and the impending establishment of their domination. At the Council of Lyon in 1245 the papacy presented the idea of assisting Russian princes against the Mongolian conquerors. However, this plan was tied to a rather fantastical project of a Catholic mission to Orthodox Russians which would have enabled mending of the East-West Schism. In addition, the Russian principalities were to fulfil the role of a defensive barrier intended to prevent another Mongolian invasion to the West. While Daniil Romanovich, the Prince of Galicia-Volhynia, accepted Pope's offer, temporarily converted to Catholicism and was subsequently crowned a king, Alexander denied a similar offer of pope Innocent IV to become a Catholic. The author's aim is to adjust the traditional image of Alexander Nevsky as a rigorous defender of Orthodoxy and intransigent enemy of both the Catholicism and a church union. Alexander was a rationally thinking and pragmatic politician and did not decline dealing with Catholics solely for their different religious beliefs. Naturally, the Grand Prince was a proponent of Orthodoxy, cooperated extensively with the Russian Orthodox Church and the idea of a church union was inadmissible to him. The reasons for Alexander's behaviour did not stem merely from confessional differences but rather had their own political dimensions. The alliance with the Papal Curia was simply of no value to Alexander. Firstly, the assistance offered by the Pope never materialized — as Daniil had to painfully experience. Secondly, the Grand Prince could not have foreseen what kind of relation between the emerging Horde and Russian principalities would have developed, and therefore decided to pursue the policy of non-resistance towards the Mongols.

KEYWORDS

Alexander Nevsky; Daniil Romanovich, the Prince of Galicia-Volhynia; Russian Princes and the Papal Curia; the First Council of Lyon; East-West Schism; Church Union; Mongolian Invasion

Dana Picková | Institute of World History, Faculty of Arts, Charles University, Nám. Jana Palacha 2, 116 38, Praha 1, Czech Republic, dana.pickova@ff.cuni.cz